

Старый друг уже не тот, что прежде (часть 7)

Секта Ступающих по звёздам была полностью восстановлена и перенесена в Предел — на то самое место, где она зародилась и откуда её когда-то изгнали захватчики.

Несмотря на то что влияние секты достигло своего апогея, Лу Янь не стремился к бездумному расширению. Около тысячи верных последователей — этого было более чем достаточно. Ему не нужна была раздутая, неповоротливая организация. Он возродил Секту Ступающих по звёздам, во-первых, из уважения к прошлому, а во-вторых, чтобы иметь надёжную опору для управления делами.

Завершив основные преобразования в секте, он обнаружил, что ему больше нечем себя занять. С того момента, как он покинул Край Небес, прошло всего два месяца. Чем больше у него оставалось свободного времени, тем сильнее росло внутреннее беспокойство.

Юноша и сам не мог до конца понять мотивы своих поступков, но когда опомнился, то обнаружил, что снова вернулся в ту самую обитель, где жил вместе с Чао Цы.

Он вошел в спальню. Хотя хозяин ушел, он оставил слуг на своих местах, и те продолжали выполнять привычные обязанности. Покои, в которых никто не жил несколько месяцев, сияли чистотой.

Они договаривались о пяти годах, но за всё это время Лу Янь постоянно находился в странствиях и поисках приключений, бросаясь туда, где было опаснее всего. Если сложить всё время, проведенное им вместе с Чао Цы, вряд ли набралось бы и полгода. Большая часть этих дней уходила на залечивание ран или ожидание, пока утихнет очередная буря.

Он медленно мерил шагами просторную спальню.

«Если этот человек так и не явится ко мне сам, — размышлял он, — то я вполне могу разыскать его лично. В конце концов, если судить строго... пять лет еще далеко не истекли, верно?»

«Я скажу мужчине несколько мягких слов, а когда пройдут оставшиеся четыре с половиной года, Чао Цы наверняка передумает уходить»

Рядом со спальней располагался небольшой кабинет, залитый солнечным светом. Чао Цы, хоть и звался бессмертным практиком и всегда старался выглядеть безупречно благородным, в своей любви к солнечному теплу напоминал ленивого кота. Он часто засиживался в кабинете, и даже кресло там было сделано по его заказу — необычайно удобное, обтянутое лозой, в котором он обожал отдыхать, прикрыв глаза.

Лу Янь вошел в кабинет, обошел кресло и положил ладонь на его спинку. Перед его мысленным взором тут же возник образ: бессмертный в белоснежных одеждах, задремавший в лучах полуденного солнца. Прядь его черных волос, растрепанная легким ветерком из окна, упала на переносицу или коснулась алых губ.

На губах юноши невольно заиграла слабая улыбка. Он решил подождать еще три дня. Если тот не придет, он сам отправится на поиски.

Словно придя к какому-то важному решению, Лу Янь почувствовал, как гнетущее беспокойство последних дней наконец отступает. Он обошел кресло и с видимым удовольствием опустился в него.

Его взгляд скользнул по письменному столу, и он усмехнулся. Этот человек обожал проводить время в кабинете, но его письменные принадлежности всегда оставались идеально чистыми и были разложены в строгом порядке.

Чаще всего Чао Цы держал в руках какую-то старую тетрадь. Он постоянно листал её, но, казалось, за пять лет так и не продвинулся дальше нескольких страниц. Лу Янь не знал, перечитывал ли он её сотни раз или просто держал для вида.

Поймав себя на этой мысли, он заметил ту самую тетрадь на книжной полке и небрежно вытянул её. Странно, что Чао Цы не забрал её с собой.

Но едва тетрадь оказалась в его руках, выражение лица Лу Яня изменилось. На первый взгляд это были обычные комментарии к какой-то технике совершенствования, но на книгу был наложен запрет. Раньше юноша редко интересовался тем, что читает его спутник, а если и обращал внимание, то из-за слабости собственного развития не мог ничего почувствовать. Теперь же он мгновенно распознал магический замок.

Это был запрет, наложенный мастером как минимум стадии Преодоления Скорби.

Лу Янь выпустил свою божественную волю, сокрушая преграду, и истинный облик тетради предстал перед его глазами.

Это были портреты. Наброски, сделанные тушью. И на каждом был изображен один и тот же человек.

На первый взгляд он был поразительно похож на самого Лу Яня. Вначале он даже решил, что это его собственные портреты, но чувство некоего несоответствия заставило его присмотреться внимательнее. И вскоре он нашел отличия.

В каждом штрихе, в каждом взгляде и жесте человека на бумаге сквозило врожденное величие. Это было сочетание поверхностной снисходительности и глубоко укоренившейся в

костях гордости. Он выглядел как выходец из великого клана, баловень судьбы, чей путь всегда был усыпан цветами, а желания исполнялись по мановению руки.

Лу Янь был другим. В нем не было этого лощеного благородства. Он не родился в роскоши, он рос в окружении волков, пробивая себе путь к трону через горы трупов и реки крови. В его глазах навсегда застыла жестокость и мрачная ярость, от которых у любого встречного холодело в груди. Теперь, заняв вершину мира, он избавился от былой дикости, но в его взгляде всё равно читалось лишь ледяное отчуждение.

Можно было списать всё на неуловимую разницу в характере, но когда он увидел печать в левом нижнем углу, его взгляд мгновенно заледенел.

— Осень года Гэнмао. Нарисовано во время совместного распития вина с Цзэи под луной.

Цзэи?.. Лу Цзэи?

Лу Янь, разумеется, помнил это имя. Человек, который вознес Секту Ступающих по звёздам к вершинам славы и он же низверг её в бездну. Конечно, последователи секты никогда не винили Лу Цзэи. Он был их самым почитаемым предком. Секта пришла в упадок после его смерти, но в том не было его вины — он пал жертвой коварных предателей. Каждое поколение потомков семьи Лу считало своим долгом восстановить справедливость и очистить его доброе имя.

Хотя он никогда не видел Лу Цзэи, он питал к этому предку глубокое уважение. Достигнув вершины власти и возродив секту, он первым делом официально восстановил репутацию предка. Теперь весь мир знал, что великий мастер не погиб от практики запретных искусств, а пал жертвой заговора алчных врагов. Именно поэтому никто не посмел винить Лу Яня за истребление тех, кто скрывался в Пределе.

Но... он и представить не мог, что Лу Цзэи настолько на него похож. Одно лицо.

Одного портрета было недостаточно, и юноша подсознательно начал перелистывать страницы. Каждая страница, каждый набросок — везде был Лу Цзэи. Где-то он улыбался, где-то хмурил брови, сжимал в руке меч или замирал над шахматной доской. В каждом мазке кисти, в каждой линии чувствовалась глубокая, трепетная нежность художника.

Лу Янь не хотел смотреть на это, но его взгляд цеплялся за приписки в углах листов. Он быстро листал тетрадь, пока портреты не закончились.

Далее шел текст. Он узнал этот почерк — это была рука Чао Цы.

— Я всегда думал, что нет ничего печальнее в этой жизни, чем видеть, как ты берешь в жены другую или растешь детей. Кто же знал, что в итоге я услышу весть о твоей смерти из чужих

уст.

— Они не могли смириться с твоим величием и жаждали твоих секретов... Мой отец втайне от меня вступил с ними в сговор. Я виню лишь свою слабость — я не смог защитить тебя.

Прочитав эти несколько строк, Лу Янь почувствовал бы себя полным дураком, если бы не понял истины. В одно мгновение его глаза, подобные холодным звездам, налились кровью.

Но дальше следовало еще одно признание. Превозмогая себя, он перевернул страницу.

— Они всё не успокоятся, уверенные, что ты спрятал что-то в Секте Ступающих по звёздам. Но тебе не о чем беспокоиться — я обещаю оберегать твою секту вместо тебя.

Оказалось, что на протяжении сотен лет Чао Цы тайно оберегал Секту Ступающих по звёздам. Неудивительно, что, несмотря на все гонения и притеснения, секта ухитрилась выживать. Ведь все эти века за ней охотились великие мастера стадии Преодоления Скорби, и без защиты этого человека она была бы стерта с лица земли в одно мгновение.

Узнав, что Чао Цы не был заодно с теми, кого он ненавидел, и на самом деле помогал его секте, Лу Янь не почувствовал ни капли радости. Напротив, его ярость достигла предела.

Он оберегал секту ради другого человека! Ради Лу Цзэи!

Тогда кто же он такой, этот Лу Янь?

С красными от гнева глазами он грубо перелистнул на следующую страницу. Кажется, она была последней.

— Сегодня я получил известие, что они решили окончательно уничтожить Секту Ступающих по звёздам. Я поспешил туда и встретил одного юношу.

— Его зовут Лу Янь. Если бы я не знал, что твоя душа развеялась сотни лет назад, я бы почти решил, что ты снова стоишь передо мной... Слишком похож.

— Раньше я не смел признаться тебе в своих чувствах, а теперь, набравшись наглости, пользуюсь твоим потомком, чтобы немного утешить себя. Если ты рассердишься и явишься, чтобы ударить меня, я буду только рад.

— Не волнуйся, я не дам пресечься роду Лу. Через пять лет я позволю этому мальчишке уйти на свободу.

<http://bllate.org/book/15361/1412600>